

ПЕЧАТАЕТСЯ С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

Л. АННИНСКИЙ

2207

ПРАЗДНЕСТВО
И МУКА

(ИЗ КНИГИ О МИХАИЛЕ ЛУКОНИНЕ)

Цитирую его речь по собранию сочинений. Чуковский сказал:

«Возьмите любопытнейший сборник «Стихи счастливых», весь собранный из детских стихов. Он издан сталинградской краевой пионерской газетой «Дети Октября». Там есть очень неплохие стихи, особенно Шурь Рудомино, Юры Щербакова, Миши Луканина (так! — Л. А.), Изи Израилева. Подлинные поэтические проблески. Но какое напыщенное, банальное и малограмотное предисловие к нему состряпал какой-то взрослый по фамилии Швер. Куда же этому взрослому до этих детей! Он, между прочим, восхищается тем, что нынешние дети не пишут стихов ни о «Дедушке-Морозе», ни о «беспредметном» любовании природой. Так что, если бы в Сталинграде какой-нибудь пионер написал: «Тиха украинская ночь. Прозрачно небо. Звезды блещут», досталось бы ему от этого Швера». (К. И. Чуковский. Собр. соч. т. 6, М., 1969, с. 603).

Прежде всего про «этого Швера». Поскольку речь Чуковского идет в Собрании его сочинений без всяких комментариев, чувствую себя обязанным уточнить, что это за человек. Александр Владимирович Швер — лицо для своего времени весьма известное и уважаемое. Редактор воронежской газеты «Коммуна», потом — «Сталинградской правды», потом — «Тихоокеанской звезды». В память революционных заслуг А. В. Швера одна из улиц Ульяновска названа его именем. Интересующиеся могут прочесть о нем в романе Бориса Дьякова «Символ веры» (М., 1977).

Разумеется, в 1936 году К. И. Чуковский всего этого знать не мог. Он мог знать только, что Швер — председатель местного отделения Союза писателей — это было написано в самой книжке.

А все-таки надо отдать должное критическому чутью Чуковского: по неумелым детским стихам угадал-таки трех будущих профессионалов!

Будущие профессионалы, услышав по радио его речь, просто остолбенели от неожиданности, а потом почувствовали себя на седьмом небе.

Сорок лет спустя волгоградский поэт Юрий Окунев рассказывал мне, что Луконин радовался, как ребенок:

— Ты подумай, говорит, такое событие произошло, а эти девчата гуляют по парку и едят мороженое как ни в чем не бывало! Им и дела нет!.. А впрочем, почему им должно быть до этого дело?.. Нет, слушай, как обидно: Луканин... А впрочем, и так узнают! Ну, давай спросим у этого дядьки с газетой, слушал ли он радио сегодня? Впрочем, не надо! Подумаешь, событие... (Я вспомнил: «У него все рывком: и радость, и смятение...»).

Похвала Чуковского наделала шуму. С этого лета стихи Луконина начала печатать «Сталинградская правда». Но и спрос обострился. Осенью имя Луконина впервые появляется в критическом обзоре, и удостаивает его внимания один из ведущих очеркистов и критиков — «Сталинградской правды», недавний «известиец» С. Свэнов.

Другой видный автор газеты, фельетонист Борис Дьяков сорок лет спустя восстановит по памяти следующую сцену:

«Как-то, в третьем часу ночи, Свэнов заглянул ко мне.

— Фу-у-у! Наконец-то закончил статью о Мише Луконине!

— Небось критикнули рабочего поэта? Ну, тогда не показывайтесь на завод!

— Не-ет, что вы! Похвалил!.. Талант светлый, дыхание глубокое...».

Боюсь, что в этой сцене участвует «задний ум». Во всяком случае, статья С. Свэнова описанного не подтверждает. Во-первых, статья не о Луконине, а о молодом поколении вообще. Луконин стоит в ряду с К. Новоспаским, Н. Бастой и С. Головановым, он отнюдь не выделен. Во-вторых, рассмотрен он вовсе не как «рабочий поэт», а как представитель «литмолодняка» при газете «Молодой ленинец». И, в-третьих, «похвалил» его С. Свэнов весьма своеобразно: за то, что тот вдохновляется актуальными темами вроде чкаловского перелета. Ни о «таланте светлом», ни о «дыхании глубоком» в статье ни слова. Зато сказано, что молодой автор «не владеет» формой и «беспомощен» в стихосложении. Похвалил же разобранных авторов С. Свэнов следующим остроумным образом: он их всех вместе сравнил с... манерничающими парижскими лицеистами (I) и отметил, что в отличие от этих последних, «молодые люди, готовящиеся стать советскими поэтами, не прибегают к методу уклончивых иносказаний», а «пользуются способом прямой и суровой поэтической речи». Хорошо, что статья С. Свэнова не попала на глаза К. Чуковскому — тот бы знал, что с ней сделать. Может быть, заодно уже и «Луканину» досталось бы: стихи вполне подходят под свэновскую характеристику: неумело, зато сурово!

В 1937 году М. Луконин все активнее печатается в обеих краевых газетах: комсомольской и партийной.

В 1938-м он попадает со своими стихами сразу в две книжки.

Одна из них — «Разбег» — сборник «авторов Сталинградской области» (эта книга вскоре попадет в Москве к Андрею Платонову). Другая — коллективный поэтический сборник. Луконин включен туда вместе с Турочкиным и еще двумя дебютантами из литкружка СТЗ: Николаем Беловым и Виталием Балабиным. Называется книжка «Содружество»: тоненькая, тираж — три с половиной тысячи, но это уже, как сказано в предисловии, «отдельный сборник». Открывает его Луконин, завершает Турочкин, взявший отныне псевдоним: Николай Отрада. В этом порядке нет символики: мне много лет спустя рассказывал В. Балабин, что они вчетвером тянули спички, кому быть в оглавлении первым, кому вторым и т. д. Первым выпало — Луконину.

Вообще-то имена можно было бы и стасовать. Перемешать стихи без большого ущерба: настолько все четыре автора подчинены общему бравурному тону и настолько послушно повторяют друг друга по мотивам. Все довольно гладко, в том числе и у Луконина. Сравнительно с газетными публикациями стихи его круто выправлены (никогда в будущем Луконин не позволит себя править, станет упираться, стоять за каждое слово). Конечно, двадцатилетнему автору трудно стоять за строчку: «Застегая ему пальто» или за такое «Мой любимый друг учится, не покладая рук» — вместо этого в книжке и появляется накат гладкописи. Сквозь нее — ловлю признаки будущего поэта — почти ничего... Ну, разве что — у Луконина из-под общих мотивов — чуть побольше «лишней» стиховой ткани, словно не все пространство стиха забрано в «дело», есть какой-то резерв, какое-то едва угадываемое второе дыхание.

Явных влияний мало. Ну, Корнилов — в косых, падающих, летящих парусах... Ну, Смеляков — в неожиданной простоте какого-нибудь слова... да просто в интонации. Или вот: вслушайтесь в луконинское:

Анка!

Желтеют листья.

Анка!

Слетают листья.

Поезд идет на север,

Гуси летят на юг.

Вот она, Анка, осень:

Ходит везде без спросу.

Тронет рукой деревья —

Ветви гудят, поют...

(Продолжение. Начало см. в №№ 31, 32).